

Царской радостью гнушались;
 А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
 И семью ты вскормлѣнъ Малютинной!..»
 Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
 Царю грозному въ полѣхъ кланяясь:
 «Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
 Не кори ты раба недостойнаго:
 Сердца жаркаго не залить виномъ,
 Думу черную—не запотчивать!
 А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
 Прикажи казнить, рубить голову:
 Таготить она плечи богатырскія
 И сама къ сырой землѣ она клонится.»
 И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
 «Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
 Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
 Не измялась ли шапка соболиная?
 Не казна ли у тебя поистратилась?
 Иль забурилась сабля закаленная?
 Или конь захромалъ худо-кованный?
 Или съ ногъ тебя сбился на кулачномъ бою,
 На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»
 Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
 Показавъ головою кудрявою:
 «Не родилась та рука заколдованная
 Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
 Аргамакъ мой степной ходить весело;
 Какъ стекло горитъ сабля острая;
 А на праздничный день, твоей милостью,
 Мы не хуже другого нарядимся.
 Какъ я сяду, поѣду на конѣхъ конѣ
 За Москву-рѣку покатаются,
 Кушачкомъ подтянусь шелковымъ,
 Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
 Чернымъ соболемъ отороченную—
 У воротъ стоять у тесовыхъ
 Красны дѣвушки да молодушки,
 И любятъся, глядя, перешептываясь;
 Лишь одна не глядитъ, не любитъся,
 Полосатой фатой закрывается...
 На святой Руси, нашей матушкѣ,
 Не найти, не сыскать такой красавицы:
 Ходить плавно—будто лебедушка,
 Смотритъ сладко—какъ голубушка,
 Молвить слово—соловей поетъ;
 Горятъ щеки ея румяныя,
 Какъ зари на небѣ Божіемъ;
 Косы русыя, золотистыя,
 Въ ленты яркія заплетенныя,
 По плечамъ обгугутъ, извиваются,
 Съ грудью бѣлою цѣлуются.»
 Во семьѣ родилась она купеческой,
 Прозывается Аленой Дмитревной.
 Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
 Опускаются руки сильныя,
 Помрачаются очи бойкія;
 Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
 Одному по свѣту маяться.
 Опостыли мнѣ кони легкіе,
 Опостыли наряды парчевые

И не надо мнѣ золотой казны:
 Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
 Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
 Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
 Отпусти меня въ степи приволжскія,
 На житѣ на вольное, на казацкое.
 Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
 И сложу на копѣ басурманское;
 И раздѣлять по себѣ злы татаровья
 Коня добраго, саблю острую
 И сѣдлыце бранное черкасское.
 Мои очи слезныя коршунъ выклюеетъ,
 Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
 И безъ похоронъ горемычный прахъ
 На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ.
 «Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
 Твоему горю пособить постараюсь.
 Вотъ возьми перстенежъ ты мой яхонтовый,
 Да возьми ожерелье жемчужное.
 Прежде свахѣ смышленной поклоняйся,
 И пошли дары драгоценныя—
 Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
 Какъ полюбишься—празднуй свадьбу,
 Не полюбишься—не прогнѣвайся.»

«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Василь-
 Обманулъ тебя твой лукавый рабъ, [овичъ!
 Не сказалъ тебѣ правды истинной,
 Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
 Въ церкви Божіей перевѣнчана,
 Перевѣнчана съ молодымъ кушомъ
 По закону нашему христіанскому...»

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
 Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
 Ужъ погынете вы добраго бойрина
 И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкомъ сидитъ молодой купецъ,
 Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
 По прозванію Калашниковъ;
 Шелковые товары раскладываетъ,
 Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
 Злато, серебро пересчитываетъ,
 Да не добрый день задался ему:
 Ходить мимо баре богатые,
 Въ его лавочку не заглядываютъ.
 Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ,
 За Кремлемъ горитъ зари туманная,
 Набѣгаютъ тучки на небо—
 Гонять пухъ метелина распѣваячи;
 Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
 Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
 Свою лавочку дверью дубовою
 Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною,
 Злого пса-ворчуна зубастаго
 На желѣзную цѣпь привязываетъ.
 И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
 Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку
 И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,